

— Пошёл! — Пэн-гэн ударил доу-гэна. — В сяньэне старая поговорка: три части доу, семь частей пэн...

— Какая разница, сколько частей! Главное, что ты, доу-гэн, должен называть меня отцом!

Услышав это, Сун Хайлинь задумался.

Вспомнил слова Су Шэня: «Назови меня отцом».

Всё крутилось вокруг Су Шэня.

Мать снова толкнула его.

— Ты отправил сообщение?

— Ага, — буркнул он.

— Что значит «ага»? Отправил или нет? Наверное, нет? — Мать достала телефон. — Мне прислали много хороших, я выберу одно, ты скопируй и отправь.

Сун Хайлинь поднял голову и заметил, что сценка уже закончилась.

Следующая программа была танцевальной, и только бабушка Сун и двоюродный брат из всей семьи её смотрели. Остальные снова уткнулись в телефоны, чашки и семечки.

— С праздником Весны, желаю мира в семье, здоровья, успехов, исполнения желаний, крепких родителей, финансового благополучия, долгой дружбы, удачи, сладкой любви и всего самого лучшего.

Мать отправила Сун Хайлиню такое сообщение.

Он вздохнул. Что за дурацкое сообщение.

Мать стояла рядом, ожидая, пока он отправит его. Чтобы не затягивать это на весь вечер, он лениво скопировал текст, выделил всех в контактах и нажал «Отправить».

После отправки мать, наконец, удовлетворилась и вернулась к чаю и семечкам.

Такие сообщения лучше не отправлять. Они явно скопированы из интернета и рассылаются всем подряд. Отправишь — только испортишь настроение. Почему эти люди среднего возраста

не понимают такой простой вещи? Он разослал это одноклассникам, наверное, все теперь втихаря ругают его?

Конечно, были и те, кто ругал открыто.

Например, Пань Шичэн.

[Ты конченный, не говори больше. Ты с ума сошёл, у тебя ещё хватает наглости ругать меня!]

Сун Хайлинь чуть не рассмеялся, увидев его сообщение. Чёрт, он же выделил всех. Забыл убрать Пань Шичэна из списка. Только что тот ругал его за рассылку новогодних пожеланий, а теперь сам получил такое же.

Только он подумал об этом, как телефон снова завибрировал. Новое сообщение.

Он открыл его, думая, что это опять Пань Шичэн.

— Дополнительно желаю процветания во всех делах, удачи в тысяче начинаний и полного благополучия.

Отправитель: Братец Тедань.

Чёрт!

Чёрт побери, это всё из-за «выделить всех»!

Он только что добавил номер Су Шэня, а уже выделил всех!

Он снова внимательно перечитал сообщение. По тексту было непонятно, как Су Шэнь на это отреагировал. Он запрокинул голову, чувствуя головную боль.

Как он уснул, Сун Хайлинь не помнил, но как проснулся — знал точно.

Всю ночь ему снилось, что он стоит на сцене и играет в сяншэне. Доу-гэн издевался над ним всю ночь, заставлял называть его отцом, и в словесных перепалках он тоже проигрывал, чуть не расплакался прямо на сцене. В отчаянии он схватил руку доу-гэна и укусил.

Во сне он почувствовал вкус варёного мяса.

Проснувшись, он обнаружил, что держит во рту большой кусок варёного мяса. Бабушка Сун

стояла над ним с палочками и соусником, приговаривая:

— Мир и благополучие, большое счастье и большая удача.

Двоюродный брат уже жевал свой кусок, сидя рядом, и, набив щёки, бормотал:

— Большое счастье и большая удача.

Этот обычай с неясным происхождением был интересным, но и раздражающим. Каждый год в первый день Нового года варили большую кастрюлю мяса без специй, вынимали, обмакивали в соевый соус и сразу же засовывали в рот младшим, требуя обязательно произнести пожелание. Когда Сун Хайлинь на уроках китайского читал «А Чан и Шаньхайцзин» и дошёл до места, где А Чан засовывает Лу Синю в рот мандарин, он глубоко проникся описанием раздражения Лу Синя — слишком уж точно было.

Бабушка Сун всё ещё смотрела на него. Сун Хайлинь поспешно пожевал несколько раз, лизнул соус с уголков губ и повторил:

— Мир и благополучие, большое счастье и большая удача.

Только тогда бабушка положила палочки и миску, безжалостно стащила с него одеяло и сказала:

— Быстро вставай, скоро придут люди кланяться.

Он в полудрёме хотел прилечь ещё, но не успел опуститься, как бабушка выдернула у него из-под головы подушку, заодно свернула только что стащенное одеяло и ловко убрала.

— Почему я спал в гостиной? — Сун Хайлинь, поднявшись с дивана, огляделся.

Дверь в гостиную была распахнута настежь, и холодный ветерок со двора проникал внутрь. На полу у входа был постелен коврик, специально для младших, которые придут кланяться. Он поднял голову и посмотрел на часы: всего семь утра. По обычному распорядку зимних каникул это было рано, но в этот особенный первый день Нового года — поздно. Его родители, должно быть, уже давно ушли по домам кланяться старшим.

Сун Хайлинь потянулся, твёрдо встал на ноги и сразу же схватил двоюродного брата за воротник, поволок к коврику.

— Дедушка, бабушка, с Новым годом! — Сун Хайлинь трижды поклонился бабушке и дедушке.

Дедушка Сун сидел на стуле прямо напротив двери, бабушка всё ещё хлопотала у журнального столика, готовя завтрак. Увидев, как внук кланяется, она заулыбалась, повторяя:

— С Новым годом, с Новым годом.

Дедушка поманил его рукой и сунул ему большой красный конверт.

Двоюродный брат, который всё это время не хотел кланяться, увидев красный конверт в его руке, сразу же тоже трижды поклонился, крича:

— Дедушка, бабушка, счастья в конверте!

Сун Хайлинь рассмеялся, подошёл и шлёпнул его по затылку.

— В твоей голове только и думают о красных конвертах, да?

— С Новым годом, с Новым годом!

Дети недолго дурачились. Вскоре снаружи пришли люди, вошли и сразу поклонились, наперебой крича:

— Дядя, тётя, с Новым годом!

Дедушка сидел на стуле прямо и с достоинством, бабушка носилась по комнате, встречая их, каждому в руки суя немного семечек и конфет, приговаривая, чтобы не кланялись, на диалекте раз за разом повторяя:

— Хватит, хватит, раз пришли — уже и есть поклон.

Сун Хайлинь видел эту сцену каждый год, и она ему уже порядком наскучила. Он сидел в стороне, смотрел повтор новогоднего гала-концерта и зевал. Если попадался родственник, который оставался погостить, приходилось отвечать на несколько вопросов.

— Это Линьлинь, да? Ты меня ещё помнишь?

Он посмотрел на бабушку.

Бабушка выручила:

— Это твоя двоюродная тётя.

Он сказал:

— Здравствуйте, двоюродная тётя!

— Поел уже?

— Ага.

— Экзамены хорошо сдал?

— Ага.

— В университет уже поступил?

— Ага.

— Когда девушку домой приведёшь?

— Ага.

Каждый год один и тот же сценарий, ни разу не обновлялся.

Незаметно прошла половина утра. К этому времени те, кому нужно было кланяться, в основном уже поклонились, следующая партия родственников, которые придут на обед, ещё не прибыла, как раз образовался промежуток свободного времени. Дедушка Сун воспользовался моментом, чтобы выйти прогуляться, двоюродный брат давно уже убежал к воротам играть в хлопушки с другими деревенскими ребятами, и в гостиной вдруг стало тихо.

Остался только Сун Хайлинь, который бесцельно смотрел телевизор, и бабушка Сун, хлопотавшая всё утро, наконец села отдохнуть за чаем у журнального столика.

В этот момент внезапно вошёл человек.

Только переступил порог, как бросился на пол на колени и трижды тяжело поклонился.

По такому размаху, по искренности и сердечности, он был совершенно другого уровня, нежели утренняя толпа, которая кланялась для галочки.

Сун Хайлинь сначала остолбенел и устался... С детства он не видел, чтобы кто-то кланялся так серьёзно, а в этом году раз — и сразу два таких случая. По размаху не уступало тому

знаменитому поклону его отца в семье Су.

Он быстро повернулся к бабушке.

Неожиданно, бабушка, которая всё утро стояла рядом и поддерживала младших, когда те кланялись, теперь сидела невероятно твёрдо, не только приняла этот поклон, но даже не произнесла привычное «хватит, хватит».

— Невестка, с Новым годом!

— Сказал тот, кто кланялся.

Услышав это, бабушка Сун расплакалась, пошла и хлопнула его по плечу.

— Сколько лет прошло, а ты всё ещё называешь меня невесткой, ты ещё помнишь, что нужно мне поклониться.

— Старшая, — сквозь слёзы сказал тот человек, — старшая невестка как мать.

Затем Сун Хайлинь стал свидетелем, как эти двое расплакались в голос.

Этого человека Сун Хайлинь смутно и поверхностно помнил — это был его младший дедушка, родной младший брат дедушки.

<http://bllate.org/book/15285/1350534>